

В. В. Ионов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Годы смягчили остроту восприятия трагических событий, которые произошли 75 лет назад, в самую короткую ночь 22 июня, но не сняли главные вопросы, поставленные ими: планировал ли Советский Союз упреждающий удар по Германии? Была ли война внезапной? Чем был ознаменован первый день войны? Почему Красная Армия потерпела тяжелое поражение в первую неделю боев? Смогли ли контрудары первых дней войны задержать стремительное продвижение противника вглубь страны? Вопросов много. В этой статье попытаемся ответить на некоторые из них. Библиогр. 44 назв.

Ключевые слова: начальный период Великой Отечественной войны, стратегическая, оперативная, тактическая внезапность, первые дни войны, готовность политического и военного руководства Советского Союза и Красной Армии к войне, причины поражений.

V. V. Izonov

ON SOME ISSUES OF THE HISTORY OF THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945

The years have softened the sharpness of perception of the tragic events that occurred 75 years ago, in the shortest night on 22 June, but did not invalidate the main points raised by them: was the Soviet Union planning a preemptive strike on Germany? Was it a sudden war? What was the first day of the war marked by? Why did the Red Army suffer a heavy defeat in the first week of battles? Did the counter-strike during the first days of the war delay the rapid advance of the enemy deep into the country? A lot of questions. In the course of this article we will try to answer some of them. Refs 44.

Keywords: the initial period of the Great Patriotic War, the strategic, operational, tactical surprise, the first days of the war, the willingness of the political and military leadership of the Soviet Union and the Red Army for war, causes lesions.

В последние два десятилетия и особенно в связи с не так давно отмечавшимся 70-летием Победы в Великой Отечественной войне за рубежом и в нашей стране предприняты колоссальные усилия по фальсификации ее истории, особенно начального периода войны (22 июня — 9 июля 1941 г.).

Ход событий того времени, исторические факты и документы полностью опровергают суждения фальсификаторов о якобы вынужденном вторжении немцев на территорию СССР. Тема превентивного удара РККА впервые прозвучала из уст официальных представителей нацистской Германии, затем в работах некоторых бывших генералов и офицеров вермахта, советологов. Она по-прежнему остается привлекательной областью исследований для фальсификаторов. Их домыслы и до-

Ионов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАРАН, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, Российская Федерация, 190330, Москва, Университетский пр., 14; vv8288@yandex.ru

Izonov Viktor Vladimirovich — Doctor in History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Missile and Artillery, Researcher Institute (military history) Military Academy of the General staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 14, Universitetsky pr., Moscow, 190330, Russian Federation; vv8288@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

гадки давно уже развенчаны на страницах научных трудов [Исаев 2005; Абатуров 2007; Иринархов 2009; Савин 2010, Великая Отечественная война... 2011а; История Великой войны... 2015 и др.]. Неоспоримым является факт, что 22 июня 1941 г. основные силы германских войск вторглись в пределы Советского Союза. В соответствии с реально существовавшим тогда «вариантом Барбаросса» (директива № 21 от 18 декабря 1940 г.) они нанесли сокрушительный удар не только по армиям прикрытия государственной границы, но и по мирному населению, и развили стремительное наступление на большую глубину. В связи с этим агрессия нацистской Германии против Страны Советов стала фактом, оспорить который никто и никогда уже не сможет. Неприкрытая агрессия со стороны Германии юридически установлена международным Нюрнбергским трибуналом. Его решения и приговоры признаны государствами всего мира.

В начальный период Великой Отечественной войны Красная Армия, потерпев поражение, вынуждена была отступать вглубь страны, неся тяжелые потери. Сталин объяснял это фактором внезапности нападения Германии. «Внезапность, — находим трактовку данного понятия в Военной энциклопедии, — это неожиданные для противника действия, позволяющие застать его врасплох и способствующие достижению успеха в бою, операции, а иногда и в войне в целом. Она позволяет нанести противнику решительное поражение, парализовать его волю, дезорганизовать его управление, а также компенсировать недостаток своих сил» [Военная энциклопедия 1994, с. 110]. Внезапность ограничивала противника во времени, необходимом для ликвидации неравных условий, вызванных неожиданными действиями противоположной стороны. В зависимости от степени воздействия на противника внезапность могла быть полной и частичной, а в зависимости от масштабов — стратегической, оперативной и тактической.

О стратегической внезапности вряд ли уместно говорить: вся страна жила в ожидании большой войны и готовилась к ней. Да, Сталин, как, впрочем, и Рузвельт, и Черчилль, надеялся, что Германия увязнет года на два в войне с Англией и Францией. Никто из политиков и военных Запада, в том числе и сами немцы, не ожидали, что Франция будет разгромлена за 40 дней, Англия в панике, бросив все оружие, едва успеет перебраться за Ла-Манш. После капитуляции Франции 22 июня 1940 г. для Сталина стало ясно, что Советскому Союзу воевать придется в одиночку с невероятно усилившейся Германией, вооруженные силы которой опирались теперь на промышленный потенциал всей Западной Европы. Так, Германия могла беспрепятственно пользоваться захваченными в оккупированных странах вооружением, военной и специальной техникой, снаряжением и боеприпасами 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских, 6 норвежских, 92 французских и 30 чехословацких дивизий.

Собственно, и оперативной внезапности для Красной Армии не было. Например, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. К. Жуков в директиве № 1 в ночь на 22 июня требовал не поддаваться на провокации и открывать огонь только при пересечении немцами границы. Еще 18 июня 1941 г. решением командующего войсками ПриОВО генерал-полковника Ф. И. Кузнецова соединения и части 8-й армии (командующий генерал-майор П. П. Собенников) начали выдвижение и к началу войны заняли оборонительные полосы в соответствии с планом прикрытия [Фронтовики ответили так! 1989, с. 23]. Командир

86-й стрелковой дивизии 10-й армии ЗапОВО полковник М. А. Загибалов, получив в 2 часа 22 июня сведения о подготовке противника к форсированию Западного Буга, в инициативном порядке поднял части по тревоге и вывел их в районы обороны. Таких примеров немало.

Теперь о тактической внезапности. Тот, кто выбирает время и место удара, всегда выигрывает бой или сражение. Германское командование в начале войны, да и потом, практически никогда не планировало удары в лоб. Оно искало в обороне противника слабое место, создавало значительное преимущество в силах и средствах, как правило, успешно прорывало оборону, вводило в прорыв моторизованные соединения и части, которые затем громили тылы и резервы, нарушали коммуникации. В начальный период войны немцы выбирали время и место своих ударов и побеждали. Это закон военного искусства. На главных направлениях наступавших концентрация их сил превышала соединения Красной Армии в 3–6 раз. Так, в полосе обороны войск ПрибОВО (Северо-Западного фронта) удар наносили 40 дивизий группы армий «Север» против 29 соединений округа, на брестском направлении — против 4 стрелковых и 1 танковой дивизий (3 из них дислоцировались в районе Бреста и Брестской крепости) были развернуты еще 10 дивизий, за которыми следовали 5. Из этих 15 дивизий 5 были танковыми.

В первые дни войны общественность находилась в плену выдвинутого с началом вторжения врага в пределы Советского Союза тезиса о внезапности нападения Германии. Этот тезис был обнародован 22 июня В. М. Молотовым, а затем 3 июля повторен И. В. Сталиным. Миллионы людей в Советском Союзе и во всем мире с нетерпением ждали этого выступления. Абсолютное большинство восприняли его с глубоким облегчением, приняли сталинские слова как программу действий в борьбе с нацистскими захватчиками. Между тем одна из целей выступления Сталина состояла, очевидно, в том, чтобы хоть как-то объяснить народу катастрофические неудачи на фронтах.

В числе событий первого дня войны традиционно принято выделять не только обращение заместителя Председателя СНК СССР В. М. Молотова к советскому народу как первый шаг правительства в мобилизации сил на отпор врагу. Раньше, чем была передана его речь по радио, в Кремле утвердили четыре указа Президиума Верховного Совета СССР [Сборник законов... 1956, с. 213–215]. Первый из них, об открытой мобилизации, несколько обособлен, а вот три других тесно связаны друг с другом. Фактически они узаконивали применение жестких мер принудительного характера на части территории Советского Союза. Кроме того, начались выдвижение из глубины страны стратегических резервов, перевод экономики на военные рельсы, перестройка государственного и партийного аппарата. Приняты были и дипломатические акты, направленные на создание благоприятных внешнеполитических условий для успешного ведения войны.

29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) направили партийным и советским организациям прифронтовых областей директиву о задачах в связи с начавшейся войной. На следующий день был образован Государственный Комитет Обороны под председательством И. В. Сталина. В руках ГКО сосредоточилась вся полнота власти в стране. 23 июня была создана Ставка Главного Командования, 10 июля она была преобразована в Ставку Верховного Командования (с 8 августа — Верховного Главнокомандования). Для координации действий фронтов и флотов были созда-

ны главные командования Северо-Западного, Западного и Юго-Западного стратегических направлений.

Первым этапом начального периода войны явились приграничные сражения, проходившие с 22 по 29 июня на территории Литвы, южной части Латвии, западных областей Белоруссии и Украины против ударной группировки германских войск.

В архивных документах и изданных мемуарах описаны сотни примеров мужества командиров и бойцов, сложивших головы в полях под Лиепайей, Сувалками, Белостоком, Владимиром-Волынским, Луцком, Дубно, Ровно, Львовом. В историю войны золотыми буквами вписана борьба Брестской крепости. 22 июня в 4.25 первый в истории Второй мировой войны воздушный таран совершил старший лейтенант И. И. Иванов, заместитель командира эскадрильи 46-го истребительного авиационного полка. В течение первого дня войны тараны совершили еще 16 пилотов и 6 экипажей. Лучшим снайпером дня стал молодой летчик, лейтенант И. Н. Калабушкин: на рассвете он уничтожил два Ju-88, ближе к полудню — He-111, а на закате его юркая «чайка» сбила еще два Bf-109.

Утром 22 июня поднятый по боевой тревоге взвод управления 63-го танкового полка 32-й тяжелой танковой дивизии 4-го механизированного корпуса (пять танков KB-1, два T-34, два БА-10), которым командовал лейтенант П. Д. Гудзь, вступил в бой в районе Користополя. Согласно некоторым источникам, командирский KB (механик-водитель Галкин) совершил первый танковый таран в дивизии, а возможно, и во всей Красной Армии. Примеров героизма и верности воинскому долгу не счесть. Противник признавал мужество и стойкость советских бойцов и командиров, их умение в трудных условиях обороняться и совершать маневры.

В то же время, например, российский историк-публицист М. С. Солонин пытается в жанре исторического ревизионизма объяснить причины поражения Красной Армии в начальный период войны в связи с массовым дезертирством и нежеланием бойцов воевать. Да, действительно, паника и дезертирство имели место, однако их масштабы были совсем не такими, как пытается представить автор. Так, с начала войны по 10 октября 1941 г. особыми отделами НКВД и войсками НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Однако только 25 878 человек было арестовано за воинские преступления, остальные же вновь отправлены на фронт [Пыхалов 2005, с. 367]. В начале июля 1941 г. единственным примером деморализации и паники, которые оказали существенное влияние на результаты начального периода войны, были боевые действия стрелковых дивизий второго эшелона Юго-Западного фронта (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос). Тогда порядка 10–15 дивизий на фоне информации о разгроме стрелковых дивизий прикрытия и мехкорпусов вели себя неустойчиво и отходили зачастую при совершенно незначительном давлении противника. Однако уже к 10 июля командование фронта сумело взять ситуацию под контроль, и стрелковые дивизии в дальнейшем воевали по мере своих сил и возможностей.

И все же в первые дни войны Красная Армия наносила вермахту чувствительные потери. Например, его потери составили в сентябре 1939 г., во время разгрома Польши, 16,5 тыс. человек, в мае и июне 1940 г. при нападении на Францию — 21,6 и 26,6 тыс. человек соответственно, в приграничных сражениях Великой Отечественной войны в июле 1941 г. — 51 тыс. человек [Савин 2010, с. 6].

Советские Вооруженные Силы могли противостоять агрессору. К началу Великой Отечественной войны СССР располагал огромным экономическим и военным потенциалом, большими запасами полезных ископаемых, успешно развивавшимся сельским хозяйством, большими государственными резервами и мобилизационными запасами. Экономика была подчинена обеспечению обороноспособности страны. Это позволило значительно оснастить и перевооружить Красную Армию новым, совершенным по тому времени вооружением, провести широкие мероприятия по технической реконструкции и выбору наиболее целесообразной организационной структуры всех видов и родов войск.

Возрастали ассигнования на военные нужды: в 1939 г. они составили 25,6 % общей суммы государственного бюджета, в 1940 г. повысились до 32,6 %, в 1941 г. достигли 43,4 % [Россия и СССР в войнах... 2010, с. 197]. Это был максимум того, что страна могла себе позволить. Только с 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. Красная Армия получила от промышленности 2739 самолетов новейших образцов, около 7 тыс. танков (из них около 50 % новых конструкций), 29 637 орудий и свыше 40 тыс. минометов, большая часть которых была сосредоточена на западе [Великая Отечественная война 1941–1945 годов 2013b, с. 391, 393, 394, 396].

В предвоенные годы значительно окрепли боевые традиции соединений и частей Красной Армии, сложились основы военного искусства, определились пути боевой подготовки. Поэтому политическое и военное руководство страны справедливо рассчитывало, что войска, имея на вооружении значительное количество военной техники, сумеют отразить первый удар германских войск. У западной границы СССР были сосредоточены самые боеспособные соединения и части, со славными боевыми традициями, многим из которых были присвоены почетные наименования.

К июню 1941 г. войска пяти приграничных военных округов насчитывали 170 дивизий общей численностью 2,9 млн человек. На вооружении этих сил находилось до 14,2 тыс. танков, 32,9 орудий и минометов, до 9,2 тыс. самолетов. Общая численность войск противника составляла до 5,5 млн человек (4,6 млн — германские войска) (190 дивизий). На их вооружении было 4,3 тыс. танков, 47,2 тыс. орудий и минометов и 5 тыс. самолетов [Россия и СССР в войнах... 2010, с. 200–201].

Ряд историков и политических деятелей пытаются обосновать версию о том, что Советский Союз совершенно не был готов к отражению нацистской агрессии, что его победы над Германией объясняются то ли «военным счастьем», то ли «чистой случайностью». Одновременно, вопреки элементарной логике, другие стараются изобразить Советский Союз главным виновником войны, якобы первым сосредоточившим на западной границе мощную группировку для наступления на Германию, чем он, дескать, и спровоцировал упреждающий удар Гитлера. Следует подчеркнуть, что эти утверждения далеки от истины и не отражают объективную реальность.

Обнаруженные в последнее время новые документы, не снимая огромной ответственности за начало войны ни со И. В. Сталина, ни с военных, уточняют обстановку того времени, дают возможность избежать крайностей, более взвешенно, спокойно и объективно взглянуть на прошлое. События у оз. Хасан (1938 г.), в районе р. Халхин-Гол (1939 г.), советско-финляндская война (1939–1940 гг.) обнажили многие слабые стороны подготовки и боеспособности Красной Армии, в том

числе и в управлении войсками. Политическому и военному руководству страны удалось извлечь уроки и провести ряд мероприятий, нацеленных на укрепление обороноспособности государства [«Зимняя война»: работа над ошибками... 2004]. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов был смещен с поста народного комиссара обороны СССР. Новым наркомом 7 мая 1940 г. был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко [Акт о приёме наркомата обороны Союза ССР... 1991, с. 193–209]. Начались коренные изменения в структуре центрального аппарата. После издания 26 июля 1940 г. ряда приказов НКО СССР началась работа по упорядочению функций Наркомата и прежде всего Генерального штаба Красной Армии, которая продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Важную роль в рассмотрении актуальных вопросов военной теории и практики строительства и подготовки Вооруженных Сил сыграли совещания командного и политического состава армии и флота, проходившие в мае и декабре 1940 и январе 1941 г.

Архивные документы и материалы свидетельствуют о том, что реорганизация центрального аппарата военного ведомства Советского Союза повлекла за собой организационно-штатные изменения и в окружном звене управления войсками. В 1940–1941 гг. три из пяти западных приграничных военных округов (Прибалтийский, Западный и Киевский) имели статус «особых». Искключительный их статус предъявлял повышенные требования к уровню мобилизационной и боевой готовности.

Учитывая серьезность угрозы военной безопасности и зная, что СССР к отпору врага еще не вполне готов, политическое и военное руководство страны приняло ряд срочных мер, направленных на повышение боевой готовности Красной Армии, о чем свидетельствуют опубликованные архивные документы и материалы, мемуарные источники [Командный и начальствующий состав Красной Армии... 2005, с. 15–110; История военной стратегии России 2000, с. 253; Жуков 2002; Захаров 1989 и др.]. Принятие соответствующих решений накануне войны проходило в режиме особой секретности.

Анализ воспоминаний военачальников — участников боевых действий в приграничных сражениях, а также архивных документов свидетельствует, что на случай войны в штабах западных приграничных округов были разработаны соответствующие оперативные планы и планы прикрытия государственной границы. Это были «документы по подъему частей прикрытия по тревоге и выходу соединений на назначенные рубежи и в районы» [1941 год — уроки и выводы 1992, с. 62]. Имелись планы прикрытия армий и корпусов. Армейские районы прикрытия «делились на участки, нарезаемые для корпусов, и под участки — для дивизий в соответствии с конкретными условиями» [Приложение № 1 к плану прикрытия ПриОВО, л. 36–48]. Последние в округах весной 1941 г. уточнялись дважды — в марте и апреле. Переработка планов вызывалась изменением состава войск приграничных округов в связи с прибытием в них ряда новых соединений. Словом, полагает президент Академии военных наук, генерал армии М. А. Гареев, районы и рубежи были назначены, но они не в полной мере учитывали возможность тактического внезапного нападения противника и сразу главными силами [Гареев 2015].

Первые дни войны оказались для противника легкими. Об этом свидетельствует начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полков-

ник Ф. Гальдер. Вот что он записал в дневнике: «Наступление наших войск, по-видимому, явилось на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох и в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать» [Гальдер 2012, с. 55–56].

Стремясь вырвать из рук врага стратегическую инициативу, Главный военный совет вечером 22 июня отдал директиву войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов перейти в наступление, силами мехкорпусов при поддержке авиации разгромить противника и перенести боевые действия на территорию врага. При этом Северо-Западный и Западный фронты должны были окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника, а Юго-Западный фронт — окружить и уничтожить противостоящие силы врага и овладеть Люблином. С 23 по 29 июня мехкорпуса трех фронтов нанесли на разных участках ряд крупных контрударов, которые вылились в ожесточенные танковые сражения.

К сожалению, применение советских мехкорпусов в борьбе с «танковыми клиньями» вермахта вылилось в оперативную катастрофу. В полосах ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО в составе 10 армий было 18 мехкорпусов, из них восемь (44 %) были укомплектованы танками на 52 % штата и более — их, хотя и с большой долей сомнения, можно было считать боеготовыми. При этом не хватало автомобилей для мотопехоты, тягачей для артиллерии, и, главное, недавно созданные соединения не прошли обучения и боевого сколачивания. Лишь 8 корпусов, большинство которых было сформировано в середине — второй половине 1940 г., укомплектованные в среднем на 70 %, могли представлять собой реальную силу. Остальные 10 продолжали формирование, а такие, как 17-й и 20-й, лишь числились на бумаге [Ленский 2000, с. 62, 80, 95, 119]. В то же время по количеству танков любой западный приграничный округ превосходил боевой состав противостоявших ему танковых групп вермахта, которые к началу войны с СССР имели: 1-я — 799 танков, 2-я — 953, 3-я — 1014 и 4-я — 631 танк [Михалев 2004, с. 225]. При этом КОВО мог противопоставить 1-й танковой группе генерал-полковника Э. Клейста почти равное количество только Т-34 и КВ.

Расположение мехкорпусов в полосах приграничных округов было следующим. В составе первых и вторых эшелонов армий прикрытия были: в ПрибОВО оба корпуса, в ЗапОВО — 4 из 6, в КОВО — 5 из 8, в ОдВО — оба корпуса. Но при этом один корпус ЗапОВО (14-й) и один — КОВО (22-й) были рассредоточены подивизионно от границы и до 100–150 км в глубину, а 9-й мехкорпус, переданный в состав 5-й армии КОВО лишь 22 июня, находился в 150–200 км от границы. Остальные пять корпусов — около трети танковых соединений приграничных округов — составляли фронтовые резервы, и дислоцировались они на удалении до 250 км и более от границы.

О реальном состоянии подвижных войск, составлявших одну треть всех танковых и механизированных соединений РККА, можно судить по свидетельству командира одного из самых боеспособных — 8-го мехкорпуса КОВО — генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева: «Формирование [корпуса] осуществлялось из частей

4-го кавалерийского корпуса, 7-й стрелковой дивизии, 14-й тяжелой и 23-й легкой танковых бригад. К июню 1941 г. корпус имел около 30 тыс. человек (83 % штатной численности. — В. И.) и 932 танка <...> Однако тяжелых и средних танков поступило только 169 (по штату полагалось 124 КВ и 410 Т-34. — В. И.). Остальные 763 машины были устаревших конструкций, межремонтный пробег их ходовой части не превышал 500 км, на большинстве истекли моторесурсы. 197 танков (более 21 %. — В. И.) из-за технических неисправностей подлежали заводскому ремонту» [Рябышев 1990, с. 5]. Столь же минорно звучат воспоминания Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, встретившего войну в должности командира 9-го мехкорпуса того же округа: «Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным <...> Старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7 <...> длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уж о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. А мотопехота обеих танковых дивизий! Положенных машин у нее не было, но поскольку значилась моторизованной, не имела ни повозки, ни коня» [Рокоссовский 1988, с. 12].

С началом вторжения врага потребовалась перегруппировка мехкорпусов на угрожающие направления. При этом ряду соединений приходилось совершать марши на расстояния 300–350 км и более, а получаемые ими противоречивые приказы еще более удлинляли эти маршруты. Так, 8-му мехкорпусу, который перебрасывался из полосы 26-й армии на направление главного удара противника, в полосу 5-й армии Юго-Западного фронта, пришлось за четверо суток пройти 500 км, потеряв при этом на марше из-за поломок материальной части до половины своего боевого состава [Об отводе сил 26-й армии с рубежа р. Днепр в направлении Лубны для прорыва кольца окружения, л. 9].

Контрудар войск Юго-Западного фронта на Западной Украине по наступавшим 6-й полевой армии и 1-й танковой группе вермахта 24–27 июня отличался крайней неорганизованностью управления войсками, осуществляемого командованием фронта при активном вмешательстве представителя Главного командования генерала армии Г. К. Жукова. Участвовавшие в нем пять мехкорпусов вводились в сражение разрозненно, не получая времени на организацию боя и взаимодействие с соседями. Продвижение ударной группировки группы армий «Юг» было задержано на восемь дней, но нанести ей поражение не удалось. Для войск фронта итогом этого сражения было исчерпание ресурсов танковых соединений, которые по завершении начального периода войны перестали существовать как реальная боевая сила.

Таковыми же были итоги контрударов мехкорпусов Западного и Северо-Западного фронтов. В результате поражений, понесенных советскими танковыми войсками в первые три недели войны, из 8,9 тыс. танков, бывших 22 июня в составе 18 мехкорпусов, к 10 июля осталось 2250, т. е. 25 % [Стратегический очерк Великой Отечественной войны... 1961, с. 208].

Долгие годы причины неудач Красной Армии в начальный период войны объясняли внезапностью нападения врага и его значительным превосходством. Однако, как показали многочисленные исследования, эти доводы безосновательны. Основные причины временных неудач в начальный период войны можно свести к следующему.

Для И. В. Сталина и его ближайшего окружения нападение Германии не было неожиданным. Несмотря на чистки, нанесшие большой ущерб советской развед-

ке, она оставалась весьма эффективной и получала ценные сведения. В период с 1939 по 1941 г. порядка 200 агентурных сообщений, шифрограмм, аналитических записок и других собранных разведкой данных поступили в Кремль и позволяли сделать однозначный вывод о неминуемом нападении Германии на СССР [Агрессия 2011]. Непосредственно перед нападением Гитлера руководство получило около 17 сообщений, так или иначе сигнализовавших о начале войны [Ивашутин 1990, с. 55].

Большая заслуга в освещении многогранных вопросов подготовки Германии к войне против СССР по праву принадлежит разведгруппам Шульце-Бойзена Харро и И. Штебе (Германия), АВС (Румыния), Л. Треппера (Франция, Бельгия), Гарри, Малыша (Англия), Адамса, Букова (США), Р. Зорге (Япония), Ш. Радо, Р. Вернер (Швейцария), Р. Гернштадта (Польша), В. Заимова (Болгария) и многим другим бойцам невидимого фронта.

Однако источники разведывательной информации руководство СССР считало сомнительными. Стремление избежать или отсрочить войну в связи с неготовностью армии привело Сталина к особому отношению к той информации, которая вскрывала подготовку Германии к агрессии против Советского Союза. О реакции руководства страны на данные военной разведки свидетельствует заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором говорилось: «Слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...» [Сообщение ТАСС 1941]. Даже в самые последние предвоенные дни реакция правительства на донесения военной разведки была негативной. На донесение военного атташе во Франции от 21 июня 1941 г. о том, что нападения следует ожидать 22 июня, имеется резолюция Сталина: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». Столь же категоричной была и резолюция Берии на документе, датированная 21 июня 1941 г.: «Секретных сотрудников “Ястреба”, “Кармен”, “Верного” за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль... Остальных строго предупредить» [Ивашутин 1990, с. 57].

Безмерная концентрация власти И. В. Сталиным, его стремление не спровоцировать, оттянуть войну и невозможность в этих условиях для военного руководства решать важные вопросы самостоятельно, была ошибкой руководства страны. Это в конечном итоге во многом послужило причиной неудач Красной Армии в начальный период войны. Так, сведения из «Журнала боевых действий войск Западного фронта за июнь 1941 г. о группировке и положении войск фронта к началу войны» свидетельствуют, что письменных приказов и распоряжений корпусам и дивизиям округа о занятии укрепленных районов не давалось. Указания командиры дивизий получали устно от начальника штаба ЗапОВО генерал-майора В. Е. Климовских. Личному составу объясняли, что он отправляется на большие учения. Войска брали с собой все учебное имущество (приборы для обучения стрельбе, мишени и т. д.) [О боевых действиях частей 10, 4, 13-й армий по состоянию на 22.06.1941 г., л. 4–10].

Закрытость информации о задачах обороны государственной границы сыграла отрицательную роль в первые дни войны. Например, генерал-лейтенант Г. В. Ревуненков, бывший начальник штаба 37-й стрелковой дивизии 3-й армии ЗапОВО вспоминал: «О начале войны мы узнали в 12 часов 22 июня на станции Богданув из речи В. М. Молотова», а генерал-майор С. Ф. Горохов, бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии 26-й армии КОВО, свидетельствовал: «До начала боевых

действий распоряжение о выходе частей на участки обороны не поступало» [Фронтовики ответили так! 1989, с. 26, 28]. Если учесть несовершенную систему оповещения войск, то это явилось одной из главных причин разгрома многих подразделений, частей и соединений 22 июня 1941 г.

Еще одна ошибка политического руководства страны заключалась в переоценке боеспособности Вооруженных Сил и в том, что в условиях надвигавшейся войны оно продолжало осуществление мероприятий по одновременной реорганизации и перевооружению большинства соединений и частей. Это привело к совершенно неоправданному распылению сил и средств и повлекло значительное снижение их боеспособности. Так, число дивизий с начала 1939 по июнь 1941 г. выросло с 98 до 303. В 1940 г. было сформировано 9 мехкорпусов. В начале следующего года было принято решение о формировании еще 20 таких же соединений. На укомплектование мехкорпусов были использованы в том числе и отдельные танковые батальоны и бригады. Это привело к тому, что войска остались практически без танков непосредственной поддержки пехоты. Многие вновь сформированные соединения и части к началу войны не успели пройти боевое сколачивание и имели низкую боеспособность.

Одной из главных причин катастрофы 1941 г. принято считать также массовые репрессии против командного состава РККА [Тимохович 1994; Сувениров 1998; Черушев 2003; Хаустов, Самуэльсон 2010]. В этот период сменились все командующие военными округами, на 90 % были заменены их заместители, начальники штабов, родов войск и служб, на 80 % — командный состав управления корпусов и дивизий, на 90 % — командиры и начальники штабов полков.

К началу войны Красная Армия не смогла оправиться от перенесенных потрясений и продолжала испытывать существенную потребность в подготовленных военных кадрах всех степеней. Для покрытия нехватки в командных кадрах высшего звена летом 1940 г. по ходатайству наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко были пересмотрены дела более 300 репрессированных военачальников. В итоге почти 250 из них были возвращены в строй. В их числе были А. В. Горбатов, А. В. Голубев, Э. Я. Магон, Л. Г. Петровский, К. П. Подлас, К. К. Рокоссовский, К. П. Трубников, В. Д. Цветаев, В. А. Юшкевич и др. К 1 января 1941 г. на военную службу возвратилось более 12 тыс. командиров и политработников, в основном из числа тех, кто не был арестован в 1937–1938 гг., но находился под наблюдением НКВД.

В то же время нужно признать, что профессиональный уровень подготовки высшего начальствующего состава РККА был невысок. Стремительными были карьерные взлеты большинства командующих армиями, очень многих командиров корпусов и дивизий. При этом, получив высокие должности, они не имели опыта в подготовке и проведении фронтовых и армейских наступательных операций, наступательных боев стрелковых и прежде всего механизированных (танковых) соединений. Например, в ЗапОВО из шести командиров корпусов только двое (генерал-майоры М. Г. Хацкилевич и М. П. Петров) имели опыт командования корпусами, причем механизированным — только М. П. Петров. Остальные были назначены с должностей командиров стрелковых и кавалерийских дивизий, стаж командования которыми не превышал трех месяцев. Генерал-майор Д. К. Мостовенко с октября 1938 г. и до назначения командиром 11-го мехкорпуса ни дивизией,

ни корпусом не командовал. Стаж нахождения в должности с момента назначения и до начала войны у всех командиров корпусов, за исключением генерал-майора М. Г. Хацкилевича, не превышал пяти месяцев [На земле Беларуси: канун и начало войны... 2006, с. 85]. Выдвиженцев, не имевших опыта командования, соответствующего их новым должностям, и необходимой подготовки, были тысячи. Поэтому они и командовали вверенными войсками кто как умел.

Политическое руководство СССР допустило просчет в определении сроков начала, способа развязывания войны и вероятного направления главного удара вермахта. Сталин, как никто другой, понимал неготовность страны и ее Вооруженных Сил к «большой войне» и всеми мерами стремился оттянуть вступление в нее СССР. Но встает вопрос: понимали ли это в полной мере Наркомат обороны и Генеральный штаб?

Планируя с началом войны, в приближении которой никто не сомневался, разрешить ситуацию путем перехода в решительное наступление и разгрома противника на его территории, командование Красной Армии допустило фатальный просчет в оценке времени на подготовку к войне. На территории западных военных округов не была создана оборона, которая должна была бы задержать агрессора до перехода советских войск в контрнаступление. Генеральный штаб неправильно толковал содержание начального периода современной войны. В его представлении этот период должны были составить операции ограниченными силами войск прикрытия, а тем временем завершалось бы мобилизационное и оперативно-стратегическое развертывание войск на театре войны [Василевский 1992, с. 6–11]. Опыт польской кампании 1939 г. — внезапное нападение агрессора всеми силами его заранее отмобилизованной армии — не был до конца учтен.

Политическое и военное руководство государства ошибочно предполагало, что есть время для завершения мероприятий по подготовке к войне: Сталин был уверен, что Гитлер не решится напасть на СССР, оставив за спиной непобежденную Англию, и в итоге совершил непоправимую ошибку, упустив момент, когда было уже невозможно откладывать приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность.

Действующая армия к началу войны почти в два-три раза превосходила группировку вермахта на востоке по количеству танков и боевых самолетов. Но сопоставление соотношения числа дивизий и количества личного состава позволяет понять реальное состояние советских войск: их соединения в большинстве своем не были доведены до штатной численности (т. е. не отмобилизованы); отсюда — полуторное превосходство вермахта в людях при примерно равном количестве дивизий. Действительно, к июню 1941 г. средняя укомплектованность личным составом 89 % стрелковых дивизий Красной Армии достигала лишь 70 %, а формирование остальных 11 % соединений (23 дивизий) только начиналось [Мобдонесение 49-й стрелковой дивизии 4-й армии ЗапОВО, л. 398; Донесение штаба 11-й стрелковой дивизии 8-й армии ПриОВО, л. 261; Донесение штаба КОВО в Генеральный штаб Красной Армии, л. 14; Ведомость недостающих боеприпасов для полного обеспечения армий и пунктов сосредоточения войск КОВО по состоянию на 1 июня 1941 года, л. 88; Мобдонесение 38-й танковой дивизии, л. 109 и др.]. В то же время войска вермахта были полностью укомплектованы людьми по штатам военного времени, не говоря уже о разнице в уровне подготовки их личного состава, за ко-

торым был опыт почти двух лет войны в Западной, Восточной и Северной Европе, тогда как Красную Армию за эти же два года пополнили более 2 млн человек, мобилизованных из запаса и вновь призванных, т. е. необученных, очередных возрастов.

Столь же неудовлетворительным с точки зрения готовности к войне было состояние родов войск, но особенно это касалось вновь создаваемых со второй половины 1940 г. танковых и моторизованных дивизий, объединяемых в мехкорпуса.

Сейчас известно, что основная задача, которая стояла в начальный период войны перед армиями прикрытия, — задержать противника в приграничной полосе и обеспечить развертывание главных сил РККА — оказалась невыполненной. Сложившаяся неблагоприятная обстановка и тяжелые потери, понесенные советскими войсками в первые дни войны, позволили врагу захватить стратегическую инициативу. Силы Красной Армии, понесшие огромные потери, вынуждены были вести тяжелые оборонительные бои и совершать отход вглубь страны. Потери трех фронтов (Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) составили около 600 тыс. убитыми и ранеными, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 орудий и минометов. Противник к 10 июля потерял 79 058 человек убитыми и ранеными, 1060 орудий и минометов, 826 самолетов и 350 танков [Россия и СССР в войнах XX века 2010, с. 257].

За три недели войны советские Вооруженные Силы вынуждены были оставить Латвию, Литву, Белоруссию, Молдавию и значительную часть Украины. Около 23 млн советских граждан остались на оккупированной территории. За это время германские войска продвинулись вглубь территории Советского Союза на северо-западном направлении на 450–500 км, на западном — на 450–600 и на юго-западном — на 300–350 км.

Сталин руководил армией, с военными не всегда считался даже при принятии важнейших решений. Так было и в первое время войны. Неудачи заставили советского лидера изменить стиль руководства, а затем как Верховный Главнокомандующий он внес свой вклад в разгром нацистской Германии. Но какой ценой была завоевана Победа!

Как видим, причины катастрофического поражения первого стратегического эшелона советских Вооруженных Сил в начальный период войны коренились в просчетах политического руководства, в непростительных промахах военного руководства, в том числе в недооценке опыта первых полутора лет военных действий врага в Европе. В результате к лету 1941 г. Красная Армия оказалась не готовой ни к задуманному в соответствии с принятой военной доктриной решительному наступлению, ни к стратегической обороне — отражению вторжения врага.

И все-таки вероломному нашествию нацистской Германии противостояла особая сила — неколебимая решимость политического, военного руководства страны и советского народа вести войну до Победы, несмотря на понесенные жестокие поражения. Сложившаяся обстановка потребовала коренного пересмотра плана ведения боевых действий и перехода к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Потребовались огромные жертвы, колоссальные усилия, чтобы изменить ход вооруженной борьбы в свою пользу, а затем одержать Победу в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

- Абатуров В. В. На Западном направлении. М.: Яуза: Эксмо, 2007. 250 с.
- Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / [сост. Л. Ф. Соцков]. М.: «РИПОЛ классик», 2011. 576 с.
- Акт о приёме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 193–209.
- Василевский А. М. Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 6–11.
- Ведомость недостающих боеприпасов для полного обеспечения армий и пунктов сосредоточения войск КОВО по состоянию на 1 июня 1941 года // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 131. Управление Киевского особого военного округа. Оп. 12516. Д. 29.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2011а. 848 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. М.: Кучково поле, 2013b. 864 с.
- Военная энциклопедия: в 8 т. / гл. ред. комиссии П. С. Грачева. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. 538 с.
- Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 — сентябрь 1942). М.: Астрель, 2012. 704 с.
- Гареев М. А. Июнь 1941-го: стереотипы и факторы // Военно-промышленный курьер. 2015. № 27 (593). 22–28 июля.
- Донесение штаба КОВО в Генеральный штаб Красной Армии // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 131. Управление Киевского особого военного округа. Оп. 12516. Д. 1.
- Донесение штаба 11-й стрелковой дивизии 8-й армии ПриОВО // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 140. Управление Прибалтийского особого военного округа. Оп. 13002. Д. 2.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
- Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. 318 с.
- «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению финской кампании. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 560 с.
- Ивашутин П. И. Докладывала точно. Воспоминания о минувшей войне // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55, 57.
- Иринархов Р. С. Красная Армия в 1941 году. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 560 с.
- Исаев А. В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 352 с.
- История Великой войны 1941–1945: в 2 т. / под ред. В. А. Золотарева. М.: ИНЭС РУБИН, 2015. Т. 1. 624 с.
- История военной стратегии России / под ред. В. А. Золотарева. М.: Воениздат, 2000. 592 с.
- Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 272 с.
- Ленский А. Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы. Справочник. СПб.: Б&К, 2000. 193 с.
- Михалёв С. Н. Стратегические итоги европейских войн XIX–XX вв. Красноярск: РИО Красноярского пед. гос. ун-та, 2004. 312 с.
- Мобдонесение 49-й стрелковой дивизии 4-й армии ЗаОВО // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 127. Управление Западного особого военного округа. Оп. 12915. Д. 78.
- Мобдонесение 38-й танковой дивизии // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 127. Управление Западного особого военного округа. Оп. 12915. Д. 85.
- На земле Беларуси: канун и начало войны. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2006. 576 с.
- О боевых действиях частей 10, 4, 13 армий по состоянию на 22.06.1941 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 208. Оперативный отдел штаба Западного фронта. Оп. 355802. Д. 1.
- Об отводе сил 26-й армии с рубежа р. Днепр в направлении Лубны для прорыва кольца окружения // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 229. Оперативный отдел штаба Юго-Западного фронта. Оп. 161. Д. 103.
- Приложение № 1 к плану прикрытия ПриОВО // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 16. Оперативное управление Генерального штаба Красной Армии. Оп. 2951. Д. 242.
- Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 480 с.

Роковосский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. 367 с.
 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. 624 с.
 Рябыхин Д. И. Первый год войны. М.: Воениздат, 1990. 255 с.
 Савин В. Разгадка 1941. Причины катастрофы. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 480 с.
 Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 213–215.
 Сообщение ТАСС // Правда. 1941. 14 июня.
 Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. генерал-лейтенант С. П. Платонов. М.: Воениздат, 1961. 456 с.
 Тимохович И. В. Битва за Белоруссию. Минск: «Беларусь», 1994. 253 с.
 1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. 183 с.
 1941 год. Кн. 2. М.: Изд-во Международный фонд «Демократия», 1998. 752 с.
 Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.
 Фронтовики ответили так! // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 23, 26.
 Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938–1941. М.: Вече, 2003. 480 с.

Для цитирования: Ионов В. В. О некоторых вопросах истории начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 37–52. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.203

References

- Abaturov V. V. *Na Zapadnom napravlenii [In the Western direction]*. Moscow, Iauza; Eksmo Publ., 2007, 250 p. (in Russian)
- Agressiia. *Rassekrechennnye dokumenty sluzhby vneshnei razvedki Rossiiskoi Federatsii 1939–1941 [Aggression. Declassified documents of the foreign intelligence service of the Russian Federation 1939–1941]*. Ed-comp. L. F. Sotskov. Moscow, “RIPOL klassik” Publ., 2011, 576 p. (in Russian)
- Akt o prieme narkomata oborony Soiuzu SSR tov. Timoshenko S. K. ot tov. Voroshilova K. E. [The act of acceptance of people’s Commissariat of defense of the USSR comrade Timoshenko S. K. from comrade Voroshilov K. E.]. *Izvestiia TsK KPSS [Izvestia of the Central Committee of the CPSU]*, 1991, no. 1, pp. 193–209. (in Russian)
- Vasilevskii A. M. Nakanune voiny [On the eve of war]. *Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history]*, 1992, no. 6, pp. 6–11. (in Russian)
- Vedomost’ nedostaiushchikh boepripasov dlia polnogo obespecheniia armii i punktov sosredotocheniia voisk KOVO po sostoianiiu na 1 iunია 1941 goda [The list of missing ammunition to meet the armies and points of concentration of troops COVO as of 1 June 1941]. *Tsentral’nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO) [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)]*, f. 131: Upravlenie Kievskogo osobogo voennogo okruga [The control of the Kiev special military district], op. 12516, d. 29. (in Russian, unpublished)
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]: in 12 vols. Vol. 1, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011a, 848 p. (in Russian)
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]: in 12 vols. Vol. 7, Moscow, Kuchkovo pole, 2013b, 864 p. (in Russian)
- Voennaia entsiklopediia [Military encyclopedia]: in 8 vols. Vol. 2. Moscow, Voenizdat, 1994, 528 p. (in Russian)
- Gal’dер F. *Voennyi dnevnik (iun’ 1941 — sentiabr’ 1942) [War diary (June 1941 — September 1942)]*. Moscow, Astrel’ Publ., 2012, 704 p. (in Russian)
- Gareev M. A. Iun’ 1941-go: stereotipy i faktory [June 1941: stereotypes and factors]. *Voенно-promyshlennyi kur’er [Military-industrial courier]*, 2015, no. 27 (593), July 22–28. (in Russian)
- Donesenie shtaba KOVO v General’nyi shtab Krasnoi Armii [Report of the staff of COVO in the General staff of the Red Army]. *Tsentral’nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO) [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)]*, f. 131: Upravlenie Kievskogo osobogo voennogo okruga [The control of the Kiev special military district], op. 12516, d. 1. (in Russian, unpublished)
- Donesenie shtaba 11-i strelkovoi divizii 8-i armii PribOVO [The report of the headquarters of the 11th infantry division of the 8th army Prabowo]. *Tsentral’nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii*

- atsii (TsAMO) [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], f. 140: Upravlenie Pribaltiiskogo osobogo voennogo okruga [Control of the Baltic special military district], op. 13002, d. 2. (in Russian, unpublished)
- Zhukov G. K. *Vospominaniia i razmyshleniia* [Memories and reflections]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, Agentstvo pechati Novosti [Novosti press Agency]; OLMA-Press, 2002, 415 p. (in Russian)
- Zakharov M. V. *General'nyi shtab v predvoennye gody* [The General staff in the prewar years]. Moscow, Voenizdat, 1989, 318 p. (in Russian)
- «Zimniaia voina»: *rabota nad oshibkami (aprel'-mai 1940 g.). Materialy komissii Glavnogo voennogo soveta Krasnoi Armii po obobshcheniiu finskoi kampanii* ["Winter War": work on the bugs (April-May 1940). Materials of the Commission of the Main military Council of red Army for the Finnish campaign compilation]. Moscow, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2004, 560 p. (in Russian)
- Ivashutin P. I. Dokladyvala tochno. Vospominaniia o minuvshoi voine [Reported accurately. Memories of the past war]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military history magazine], 1990, no. 5, pp. 55, 57. (in Russian)
- Irinarkhov R. S. *Krasnaia Armiia v 1941 godu* [The Red Army in 1941]. Moscow, Iauza; Eksmo Publ., 2009, 560 p. (in Russian)
- Isaev A. V. *Antisuvorov. Bol'shaia lozh' malen'kogo chelovechka* [The big lie of the little man]. Moscow, Iauza; Eksmo Publ., 2006, 352 p. (in Russian)
- Istoriia Velikoi voiny 1941–1945* [The history of the Great War of 1941–1945]: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by V. A. Zolotareva. Moscow, INES RUBIN, 2015, 624 p. (in Russian)
- Istoriia voennoi strategii Rossii* [The history of the military strategy of Russia]. Ed. by V. A. Zolotareva. Moscow, Voenizdat, 2000, 592 p. (in Russian)
- Komandnyi i nachal'stvuiushchii sostav Krasnoi Armii v 1940–1941 gg. Struktura i kadry tsentral'nogo apparata NKO SSSR, voennykh okrugov i obshchevoiskovykh armii. Dokumenty i materialy* [Command and the command staff of the Red Army in 1940–1941 Gg. The structure and staffing of the central apparatus of the NCBS of the USSR, the military districts and armies. Documents and materials]. Moscow; St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2005, 272 p. (in Russian)
- Lenskii A. G. *Sukhoputnye sily RKKA v predvoennye gody. Spravochnik* [Ground forces of the Red Army in the prewar years: Guide]. St. Petersburg: B&K Publ., 2000, 193 p. (in Russian)
- Mikhalev S. N. *Strategicheskie itogi evropeiskikh voyn XIX–XX vv.* [The strategic outcome of the European wars of 19th–20th centuries]. Krasnoiar'sk, Krasnoiar'sk State Pedagogical University RIO, 2004, 312 p. (in Russian)
- Mobdonesenie 49-i strelkovoi divizii 4-i armii ZapOVO [Marionette of the 49th infantry division of the 4th army Sapova]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO)* [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], F. 127: Upravlenie Zapadnogo osobogo voennogo okruga, op. 12915, d. 78 (in Russian, unpublished)
- Mobdonesenie 38-i tankovoi divizii [Marionette of the 38th armored division]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO)* [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], f. 127: Upravlenie Zapadnogo osobogo voennogo okruga, op. 12915, d. 85. (in Russian, unpublished)
- Na zemle Belarusi: kanun i nachalo voiny. Boevye deistviia sovetskikh voisk v nachal'nom periode Velikoi Otechestvennoi voiny* [In the land of Belarus: the eve and the beginning of the war: Fighting Soviet troops in the initial period of the Great Patriotic War]. Minsk, Kuchkovo pole Publ., 2006, 576 p. (in Russian)
- O boevykh deistviakh chastei 10, 4, 13 armii po sostoianiiu na 22.06.1941 g. [About the fighting parts 10, 4, 13 armies as of 22.06.1941]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO)* [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], f. 208: Operativnyi otdel shtaba Zapadnogo fronta, op. 355802, d. 1. (in Russian, unpublished)
- Ob otvode sil 26-i armii s rubezha r. Dnepr v napravlenii Lubny dlia proryva kol'tsa okruzheniia [About the withdrawal of forces of the 26th the army of the turn of the Dnipro river in the direction Lubny to break through the encirclement]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO)* [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], f. 229: Operativnyi otdel shtaba Iugo-Zapadnogo fronta, op. 161, d. 103. (in Russian, unpublished)
- Prilozhenie № 1 k planu prikrityia PribOVO [Appendix no. 1 to the plan covering Prabowo]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO)* [Central archives of the Ministry of defence of the Russian Federation (CAMO)], f. 16: Operativnoe upravlenie General'nogo shtaba Krasnoi Armii, op. 2951, d. 242. (in Russian, unpublished)
- Pykhalov I. V. *Velikaia Obolgannaia voina* [The Great Slandered War]. Moscow, Eksmo; Iauza Publ., 2005, 480 p. (in Russian)

- Rokossovskii K. K. *Soldatskii dolg* [Soldier's duty]. Moscow, Voenizdat, 1988, 367 p. (in Russian)
- Rossii i SSSR v voynakh XX veka. *Kniga poter'* [Russia and USSR in wars of 20th century. Book of losses]. Moscow, Veche Publ., 2010, 624 p. (in Russian)
- Riabyshev D. I. *Pervyi god voiny* [The first year of the war]. Moscow, Voenizdat, 1990, 255 p. (in Russian)
- Savin V. *Razgadka 1941. Prichiny katastrofy* [The clue 1941. The causes of the crash]. Moscow, Iauza; Eksmo Publ., 2010, 480 p. (in Russian)
- Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. — iul' 1956 g. [Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of Supreme Soviet of the USSR. 1938 — July 1956]. Ed. PhD in Law Mandel'shtam Iu. I. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury, 1956, pp. 213–215.
- Soobshchenie TASS [The TASS announcement]. *Pravda* [The Truth], 1941, June 14. (in Russian)
- Suvenirov O. F. *Tragediia RKKA 1937–1938* [Tragedy of the RKKA 1937–1938]. Moscow, TERRA Publ., 1998, 528 p. (in Russian)
- Strategicheskii ocherk Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The strategic essay of the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Voenizdat, 1961, 456 p.
- Timokhov I. V. *Bitva za Belorussiiu* [The battle for Belarus]. Minsk, «Belarus'» Publ., 1994, 253 p. (in Russian)
- 1941 god — uroki i vyvody* [1941 — lessons and conclusions]. Moscow, Voenizdat, 1992, 183 p. (in Russian)
- 1941 god* [1941]. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia" Publ., 1998, 752 p. (in Russian)
- Khaustov V. N., Samylov L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* [Stalin and the NKVD repressions 1936–1938]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 432 p. (in Russian)
- Frontoviki otvetili tak! [The soldiers replied!]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military history magazine], 1989, no. 5, pp. 23, 26, 28 (in Russian)
- Cherushchev N. S. *Udar po svoim. Krasnaia armia 1938–1941* [Blow on their own. The Red Army 1938–1941]. Moscow, Veche Publ., 2003, 480 p. (in Russian)
- For citation:** Izonov V. V. On some issues of the history of the initial period of the Great Patriotic War 1941–1945. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, 2016, issue 2, pp. 37–52. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.203

Статья поступила в редакцию 6 октября 2015 г.